

ТЕХНОГЕННАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ЦЕННОСТНОГО МИРА ЛИЧНОСТИ: ОТ ТРАДИЦИОННОГО ОБЩЕСТВА К ИНДУСТРИАЛЬНОМУ

TECHNOGENIC CONDITIONALITY OF THE VALUE WORLD OF THE INDIVIDUAL: FROM TRADITIONAL SOCIETY TO INDUSTRIAL

A. Svidersky

Summary: The idea of determining the processes of socio-cultural genesis by the value sphere is widely recognized in the scientific community. The use of a value-based approach to the analysis of various social phenomena demonstrates the possibility of revealing their internal regulation, latent changes, trends. The author emphasizes the peculiarities of the influence of socio-technical development trends on the genesis of value consciousness and value structures of transformative human activity. Social development determines the increasing role of technogenic factors that determine value relations.

Keywords: socio-technogenic development, socio-technical activity, technogenic society, technosphere, traditional society, values.

Свидерский Александр Александрович

Старший преподаватель, Брянский государственный аграрный университет
filos.as@yandex.ru

Аннотация. Широкое признание в научном сообществе получает идея детерминации ценностной сферой процессов социокультурного генезиса. Использование ценностного подхода к анализу различных общественных явлений демонстрирует возможность раскрытия их внутренней регуляции, латентных изменений, тенденций. Автор подчеркивает особенности влияния тенденций социо-технического развития на генезис ценностного сознания и ценностные структуры преобразующей активности человека. Социальное развитие обуславливает возрастание роли техногенных факторов, определяющих ценностные отношения.

Ключевые слова: социально-техногенное развитие, социо-техническая деятельность, техногенное общество, техносфера, традиционное общество, ценности.

Специфика бытия человека проявляется в его неудовлетворенности миром и потребности изменить его, придать ему новые качества, сделать сообразным себе. Уже на ранних этапах становления человечества мы можем выявить тенденции, выводящие коллектив людей за рамки естественных биоценозов, их деятельность за пределы просто адаптивной природодетерминированной первобытная культура дает примеры основных тенденций — парадигм человеческой практики: пассивно-созерцательной и активно-преобразовательной.

Становление ценностного сознания тесно связано с уровнем развития искусственной реальности, которая, дополняя естественную, становится структурным элементом разнообразных ценностных отношений. Специфика взаимодействия первобытных сообществ с окружающим миром продуцировала зависимость первобытного человека от природных условий и осознание растворенности в ней. На ранних этапах становления человечества единство человека и природы обосновывалось кровнородственными связями, а потому древние понимали мир природы через самих себя, относились к природе как к «сущностно своему», распространяя на природу возмездные отношения. Перенесение человеческих характеристик на объекты природы говорит о формировании ценностного отношения к природе [1, с. 103]. Ценность естественной природы как целостности

в первобытном обществе определялась способностью природы давать жизнь, отсюда первостепенное качество земли — ее плодородие, а значит культ естественной природы как животворящего, плодородного начала.

Особенностью формирования ценностных отношений в первобытном обществе является практическое отсутствие индивидуальной субъективности, связанное с тотальной растворенностью индивида в коллективе, а также особый способ трансляции культурного опыта — суггестия, исключая свободный ценностный выбор. Все это способствовало крайней устойчивости в ценностном освоении мира.

Практическое освоение природы древними порождало амбивалентность и синкретизм ценностей — мир первобытного человека был одновременно добр и враждебен. Этому способствует доминирующий эмоционально-ценностный, эмоционально-рефлексивный способ освоения действительности, поэтому природные события переживались глубоко эмоционально. На становление системы ценностей первобытного общества значительное влияние оказали негативные эмоции, порождающие чувство страха, беспокойства. Они становились мощным основанием запретительных норм, обусловивших специфику ценностного регулирования материально-преобразовательной деятельности древних, но, кроме того, порождали поиски путей преодоления страха.

Способом ценностной интерпретации действительности для древних служил миф, который выполняет здесь синтетическую ценностно-мировоззренческую функцию, он был призван доказать целесообразность существования человека, вписать его в Универсум не как пассивный, функциональный элемент осуществления природных сил, а как равноправное, созидательное начало. Миф чрезвычайно диалектичен и строится на четких противопоставлениях, действительность в мифе динамично разворачивается в борьбе двух начал, добрых и злых, в центре которой находится первобытный коллектив.

Являясь сакральным обоснованием запретов, проповедуя созерцательность, мифология одновременно культивирует значимость человеческих умений и созданных им артефактов культуры, вселяя уверенность в преобразовательные возможности человека в отношении естественной природы. В этом обстоятельстве можно обнаружить первые проявления техногенности [2, с.15]. Наглядное проявление таких устремлений древних мы можем обнаружить в культово-религиозной практике, где наряду с одухотворением, сакрализацией природных сил, обнаруживалось стремление подчинить эти силы своей воле.

Обострение противоречий между общественной практикой и природой стало источником развития общества, осуществления революционных изменений в типе хозяйства и переходе к производящей, аграрной экономике, в которой аккумулирован практический опыт взаимодействия с природной средой. Этот переход был обусловлен также ценностными факторами: ценностно-эмоциональной привязанностью к давно обжитым территориям, повышением значимости человеческих способностей и умений, отраженных в мифологии. Появление производящих орудий труда и технологий запустили процесс социально-техногенного развития и изменили характер ценностно-смыслового освоения реальности [3, с. 63].

Генезис первобытной мифологии в аксиологическом смысле заключается в постепенном переносе ценностного акцента из мира естественной природы в социальный мир. Признание отличия человека от первозданной природы, наиболее ярко проявившееся в героической мифологии аграрных обществ, тем не менее, не привело к отчуждению человека от природы, проявляющемуся в агрессивнo-утилитарном отношении к последней, нивелировании ее ценности. Так как основным средством деятельности и предметом труда выступала земля и человек опирается, прежде всего, на биосферные природные силы, которые становятся полновластным соучастником материального производства. Кроме того, здесь отсутствовала сложная система орудий труда, опосредующих воздействие человека на природу и отделяющих его от естественной природы.

Одновременно с этим, в иерархии ценностей аграрных обществ происходили изменения связанные с повышением значения преобразованной, окультуренной, искусственной среды, в жизнедеятельности людей, которая противопоставлялась дикой необузданности естества. Если первая природа все-ещё становилась предметом религиозного поклонения, уподобляясь женскому, животворящему началу, то вторая, искусственная, становилась объектом осознанной сакрализации. Таким образом, аграрное общество, сохраняя архаичное поклонение естеству, аксиологически дифференцирует пространство на осваиваемое и неприкосновенное, сакральное, где запрещалась всякая хозяйственная практика и преобразовательная деятельность.

В культуре Древнего мира можно обнаружить две тенденции развития ценностей и норм, регулирующих взаимодействие общества и природы. Одна представлена культурами Древней Индии и Древнего Китая, которые развивались достаточно интенсивно. Результатом внутрикультурной рефлексии, связанной с возникновением первых экологических кризисов, вызванных аграрным производством, становится реализация природосообразной модели социума и индивида, жизнедеятельность которых регулируется законами безличного природно-космического порядка. В ценностной иерархии этих культур утверждается равенство естественной природы и человека, причем последний должен отказаться от прагматического целеполагания, для обретения гармонии с миром, расширения своих адаптивных способностей.

Иную тенденцию представляет античная культура, с которой связано утверждение господства человека над естественной природой и «традиция управления». Происходит дальнейшее усиление аксиологической значимости освоенной природы и человеческих преобразовательных способностей.

С возникновением классического рабства в полисах Древней Греции происходит окончательная эмансипация духовно-теоретической деятельности от материального производства, возникают двусубъектные (господин-раб) модели деятельности, которые способствуют отчуждению от природы, делают возможным управлять ей, познавать ее без внимания к ней самой, то есть должного духовно-ценностного отношения к ней. Раб и природа, как бы сливаются в единый объект управления, несовершенство которого требует постоянного вмешательства со стороны господина.

Материально-преобразовательная деятельность приобретает негативную оценку, как удел раба, который лишен личного статуса, отчужден, презираем. Эта аксиологическая традиция негативизирующая материальную деятельность, которая ценится меньше деятельности ду-

ховной, оказала значительное влияние на дальнейший генезис ценностных отношений. Распространение рабства в античном мире вытесняет применение свободного труда, а значит, делает практически невозможной ценностную детерминацию материально-преобразовательной деятельности, порождает отчуждение и формирование антикультуры, а значит, культура разрушения, насилия.

Изменению ценностей также способствовало возникновение и развитие теоретического познания, которое представило чрезвычайно рационализированный и схематичный взгляд на природу, рассматриваемую как несовершенное, неразумное начало, мир «мнения». Вместе с этим возрастает роль технической и инженерной деятельности, которые наделяются ценностно-смысловой составляющей [4,5].

В Средние века в Западной Европе утверждается консервативный тип культуры, определяющий крайне небольшую вариативность моделей деятельности и полное отрицание всякой инновации. Определяющее влияние на средневековую культуру Европы оказало становление христианства, ценностная иерархия которого построена на жестких противопоставлениях: души и тела, что породило отчуждение человека от мира; Бога и мира, что позволило человеку делать с миром все, что угодно; духовного и материального, что нивелировало ценность материального, природного, рождающее начала, делала невозможным эстетическое и нравственное отношение к природе. Материально-преобразовательная деятельность, сам преобразователь получают крайне негативную оценку, порождая страх перед миром, как «вместилищем дьявольских сил». Аксиологическая радикальность христианства снималась средневековым фиксизмом, требующим сохранять все творения и отказаться от целеполагания, а также традиционализмом, патриархальностью крестьянской культуры, сохранившей языческое поклонение природе.

Кроме того, по мере развития средневековой культуры, в ней усиливались нерелигиозные компоненты, связанные с развитием городской культуры, усилением светской власти, появлением буржуазии. Городская культура произвела радикальную переоценку субъекта материально-преобразовательной деятельности, сделав его самостоятельным творцом мира и самого себя, а сам труд богоугодным делом. Городская культура расширяет горизонты свободы [6, с. 362], создает новое ценностное пространство, которое человек осваивает как самодостаточную смысловую реальность [7]. Возникает «теология труда», которая освящает производственные занятия и преобразование природы в труде. Постепенно меняется и нравственно-эстетический образ труда, в нем начинают видеть красоту, гармоничность, сельскохозяйственные и ремесленные сюжеты появляются в храмовой живописи и иконографии.

Становление буржуазной экономики потребовало решения не столько социально-экономических или научно-технических задач, сколько решения проблем нравственных, ценностных. Эту задачу выполняла протестантская этика, которая, используя идею служения богу в труде, фактически провозгласила культ предпринимательства и хозяйственного успеха, так необходимо для расчетливого и самостоятельного буржуазного производителя. Протестантизм окончательно утверждает мирскую свободу, делая субъекта совершенно свободным господином всего сущего. Протестантская этика вступила в противоречие с буржуазной культурой, так как, будучи религиозной по природе, она уповала в большей мере на дематериализованные отношения, факторы труда духовного порядка. Ценности же буржуазной культуры возводят идеи материальной пользы, выгоды, предпринимательского успеха в некий единый общественный и индивидуальный идеал, обеспечивающий счастье, которое здесь практически тождественно телесному наслаждению. Одновременно успехи буржуазной экономики настоятельно требовали изменения в аксиологическом отношении общества к природе.

Разрешению противоречия способствовала наука Нового времени, которая представила природу как холодную, протяженную субстанцию, тем самым, нейтрализовав ценностный статус природы, окончательно лишив ее нравственного смысла [8]. Механическая картина мира, способствует технизации сознания и ценностей. Естествознание всецело утвердило принцип рационализации отношений общества и природы, а значит и использования ее без всякой моральной ответственности [8], так как отвлеченный разум обнаруживает в ней только протяженность и движение.

Новоевропейская культура окончательно закрепляет отношение к естественной природе как к объекту-носителю ценности, отрицая равные межсубъектные, ценностные отношения с ней. Поэтому человеческий субъект редуцируется к разуму (*cogito ergo sum*), человеческая природа к социальной. Культура представляется как достояние исключительно общественное и надприродное, что приводит к снижению ценности естественного, как в обществе, так и в человеке. Поступательные изменения аксиологического плана в культуре Нового времени закономерно порождали изменения в структуре материально-преобразовательной деятельности, которые наиболее ярко проявились в культуре техногенного общества, ознаменованной промышленными переворотами.

Техногенная культура утверждалась в новых типах социальных систем, которые возникли в результате значительных перемен в общественной жизни Западной Европы, интенсификации производства. Развитие индустриального производства может влиять на изме-

нение ценностных отношений двумя путями: непосредственно, как результат оценивания социо-технической деятельности, а также опосредовано, через изменения в социальных отношениях, вызванных развитием индустриально-техногенного общества. Индустриальное производство, заметно более эффективное в сравнении с аграрным, оценивается как ведущее, естественные циклы окончательно уступают место производственным циклам. Одновременно с крушением традиционного общества и аграрной миграцией, шел процесс разрушения тех четких механизмов передачи и хранения социально-значимого опыта, что ранее обуславливало исключительную целостность аграрных культур. Эта ситуация способствовала утверждению индивидуализма, критичности к прошлому опыту, превращению инновационной технической деятельности в системообразующую.

Переход к инновационной культуре изменил соотношение ценностного и нормативного механизмов регулирования материально-преобразовательной деятельности — от доминирования нормативного к безусловному преобладанию ценностного [9, с.165]. Но эта тенденция вступает в противоречие с организацией труда в индустриальном обществе, где разделение труда, операционализация, конвейеризация производства порождают духовное отчуждение непосредственного производителя от формирования целесообразной программы деятельности, которую он обязан выполнять. В индустриальном производстве, организация и характер которого обусловлены спецификой технических средств и технологий, материально-преобразовательная деятельность фактически развивается по законам социотехнической системы. В этой ситуации отрицаются главные условия формирования, воспроизводства и трансляции ценностей.

Вершину ценностной иерархии культуры инновационного общества занимает свободный индивид с его интересами, стремлениями, потребностями. В этой ценностной ситуации человек предстает в качестве универсальной силы, противостоящей природе, которая воспринимается уже как однозначно чужеродное начало, поле приложения человеческой силы, как своего рода неисчерпаемая кладовая, из которой можно брать любые материалы и средства.

Происходят изменения в структуре материальных ценностей техногенного общества. Генетически, будучи тесно связанной, с потребностью, как основой оценки, материальная ценность отражает потребительные качества, универсальным носителем которых является при-

рода. В таком виде материальные ценности присутствовали в культуре традиционных, аграрных обществ, где благодаря доминированию экстенсивного, натурального хозяйства, субъект производства был един с субъектом потребления, вследствие чего конкретный труд был направлен на производство потребительных ценностей, удовлетворяющих потребности конкретного человека. Вмешательство в естественную природу практически тождественно уровню наличных потребностей и человек берет у нее то, что ему необходимо.

Отношение к естественной природе, как к объекту-носителю материальной ценности, значительно предопределяет ее эстетическое и нравственное восприятие, освоение. Культура техногенного общества определяет возможность принципиального разграничения сферы хозяйственно-экономической от нравственно-эстетической. Одновременно, все более значимым объектом эстетического освоения становится мир «второй природы», во многом опосредующий здесь отношение к первой природе. Так как мир «второй природы» исключительно пластичен, изменчив, подчинен социальным законам, то мир первой природы воспринимается уже как материал для возможного преобразования, и искусственное воспринимаемое как естественное противопоставляется естеству. При этом искусственное, техногенное, воспринимается как среда, порождающая избыточное благо, которое дает человеку уверенность в процветании, а естественное как весьма ограниченное благо [10, с. 176]. Общей тенденцией развития человеческой практики в техногенном обществе является постоянное сокращение чувственно-эмоционального контакта с природной средой, когда субъект может действовать и достигать своих целей, фактически бездействуя. Человек становится заложником техносферогенеза, в котором техника представляет собой уже самостоятельную реальность, наделенную чертами социально-исторического субъекта [11, с. 387].

Таким образом, развитие техногенного общества приводит к ситуации, когда саморазвивающаяся естественная природа практически исключена из процесса воспроизведения ценностей в силу опосредования всех межсубъективных отношений техносферой. По сути, происходит трансформация человечества в направлении интеграции людей в искусственные техносферные образования [12, с. 922], которые в определенных контекстах могут выступать и как объект ценности — оценки и как субъект ценностного отношения и поэтому оказывают определяющее влияние на формирование системы ценностей в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вальковская В.В. Ценность природы // *Философия и общество*. — 1998. — № 6. — С. 103–123.
2. Дергачева Е.А. От техногенной рациональности к рациональности социоприродного развития // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия*. 2008. № 1. С. 12–16.
3. Сви́дерский А.А. Специфика ценностей техногенного общества // *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание*. — 2022. — № 11. — С. 62–64.
4. Шустов А.Ф. Социальная составляющая в структуре технической деятельности как возможность контролируемого ее развития // *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание*. — 2021. — № 11. — С. 92–95
5. Шустов А.Ф. Внутренние закономерности и социальные факторы развития технической деятельности // *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание*. -2022. — № 11. — С. 79–83.
6. Вебер М. История хозяйства. Город. — М., 2001. — С. 576.
7. Ковалева, Т.Н. Основные концептуальные подходы к исследованию городского пространства / Т. Н. Ковалева // *Вестник Краснодарского университета МВД России*. — 2014. — № 1(23). — С. 97–99.
8. Bohm D., Peat F. *Science, order and creative roots of science a life*. — Toronto, 1987. — p. 172–183.
9. Каган М.С. Философская теория ценности. — СПб., 1997. — 205 с.
10. Ортега-и-Гассет Х. Размышления о технике // *Изб. труды*. — М., 2000. — 704 с.
11. Сви́дерский А.А. Техноцентризм как культурно-мировоззренческая парадигма развития техногенного общества // *Вклад науки и практики в обеспечение продовольственной безопасности страны при техногенном ее развитии. Сборник научных трудов международной научно-практической конференции*. 2021. С. 384–387.
12. Дергачева Е.А. Социально-философский анализ глобализации // *Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал)*. — 2012. — № 1. — С. 907–931.

© Сви́дерский Александр Александрович (filos.as@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»